

Гаршин в Сольцах

14 февраля этого года исполнилось 160 лет со дня рождения Всеволода Михайловича Гаршина — в своё время известного писателя, поэта и художественного критика. Часть его жизни была связана с Сольцами. Этот факт заметил и изучил краевед Виталий Койсин, рассказавший о результатах своего исследования.

— Виталий, как Вы нашли эту историю?

— Довольно случайно, читая сборник его сочинений. В конце книги была автобиография, где он пишет: «Жил в Сольце Псковской губ [ернии] около полугода».

Ещё раз Сольцы упомянуты в письме Гаршина матери в ноябре 1869 года, где он делится впечатлениями о посещении выставки картин в Петербурге и в этой связи вспоминает о живописной природе нашего края: «Лучше всего были некоторые пейзажи; чисто вокруг — Солецкий вид».

К сожалению, это немного — всё, что оставил сам Гаршин о Сольцах в дошедших до нас письмах. Вообще его письма той поры были довольно редки и коротки, ведь он был ещё 12-летним подростком. Вероятно, что-то более подробное было в переписке его матери, тогда тоже здесь жившей, но эта переписка в архивах не отложилась. К счастью, свои воспоминания о детстве Гаршина оставил его младший брат, Евгений Михайлович. Найти их было нелегко, поскольку в полном виде они издавались всего несколько раз до революции, а после неё, насколько я знаю, только единожды и малым тиражом, в одном малоизвестном сборнике, да к тому же с сокращениями.

— И что вспоминает его брат о Сольцах?

— Лучше дать слово ему самому, процитировав этот отрывок полностью:

«Ранней весной 1867 г., перед самой Пасхой, Всеволода, ввиду его крайне болезненного вида и общей слабости, взяли домой от экзаменов при переходе в третий класс, предпочитая, чтобы он окреп физически, тем более, что возраст вполне позволял ему просидеть лишний год в классе. Это лето мы проводили в большом селе, расположенном на берегу широкой сплавной реки Шелони. Занимаемый нами дом выходил задним фасадом к маленькой, но весною бурливой речонке, впадающей в Шелонь. И вот наш Всеволод, не смущаясь тем, что на реке еще не прошел лед, собственноручно сколотил из каких-то старых досок плот, вооружился самодельным же двухконечным веслом и спустился по малой речке в Шелонь. К счастью, его скоро заметили между льдин; поднялась тревога, несколько опытных пловцов бросились за ним и чуть не насильно вернули домой.»

— «Маленькая, но весною бурливая речонка» — это, конечно же, Крутец!

— Да, это он. Кстати, Пасха в 1867 году праздновалась довольно поздно, 28 апреля по новому стилю, но, как мы видим из рассказа Евгения Михайловича, ледоход тогда ещё

не закончился. Видимо, весна была поздней. Далее он вспоминает:

«В это же время мы с ним часто катались на собаке. У местного аптекаря был громадный водолаз, приученный ходить в санках и дрожках. Пока я ездил один, дело шло хорошо, но первая же наша поездка со Всеволодом на беговых дрожках обошлась не совсем благополучно: быть может, нашему псу не понравилась излишняя тяжесть, но только мы проехали очень немного и едва лишь забрались на гать перед мостом, как наш кудлатый рысак, увидя под гатью, на берегу реки, большое сборище собак, опрометью кинулся к своим — врагам или друзьям, я не знаю, а мы полетели с дрожек; к счастью, вся история кончилась неудержимым хохотом.»

— Это место тоже узнаваемо — подъём на мост через Крутец.

— Действительно, только там могло быть место «под гатью, на берегу реки», ведь мост через Шелонь тогда был наплавной, ставился после ледохода, да и вёл к нему спуск, а не подъём. Продолжаются воспоминания так:

«Как только появились грибы, Всеволод со страстью принялся за их собиранье. Он уходил рано утром и возвращался поздно вечером, пропадая целыми днями в окрестных лесах. В менее отдалённые экспедиции он увлекал и меня, постоянно обращая моё внимание на разные явления природы. В этих прогулках нас сопровождала — кто бы вы думали, читатель? Ручная, выросшая у нас галка. Она летела низко, рядом с нами, и часто садилась отдыхать на плечо или на голову брата Всеволода, которого особенно любила. Когда впоследствии лошадь отравила ей ногу и она умерла, оба мы горько плакали.

По любви брата моего к природе, в нём все предвидели будущего естествоиспытателя. Всех окружающих очень занимал мальчик, постоянно возившийся с лягушками, ящерицами и жуками. Однажды он распорол брюхо лягушки, рассмотрел её внутренности, затем аккуратно зашил, приложил деревянного масла, обвязал тоненьким бантиком, и лягушка после этого ускакала.»

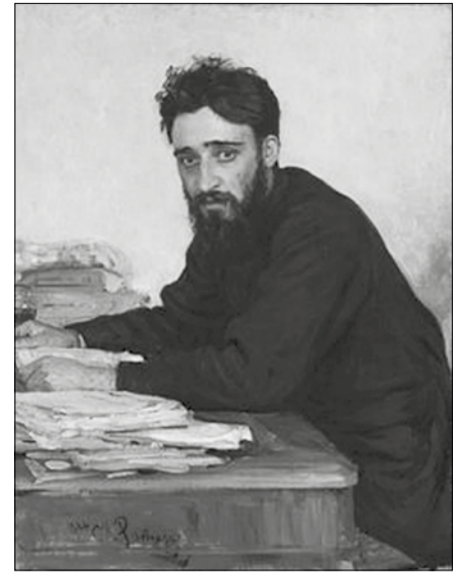
— В общем-то, жизнь братьев Гаршиных не выходила за пределы обычных мальчишеских радостей и приключений, порой, как водится, небезопасных.

— Конечно, ведь Всеволоду было всего 12 лет, а Евгению — 10. Но всё равно это текст очень интересен, потому что от тех далёких лет (середина 19-го века, почти 150 лет тому назад!) даже официальных документов о жизни в Сольцах осталось немного, а воспоминания частных лиц — вообще редкость.

— А как Гаршины оказались в нашем городе?

— Это не до конца ясно. Уроженцу Бахмутского уезда Екатеринославской губернии (ныне — Артёмовский район Донецкой области) Всеволоду Гаршину

в детстве пришлось много путешествовать, в связи с разводом родителей и частыми переездами матери, с которой остались дети. Причины приезда Гаршиных в Сольцы можно предположить по фотографии, опубликованной в иллюстрированном журнале «Солнце России» весной 1913 года (тогда было 25-летие его трагической смерти). Подпись под этой фотографией говорит: «В.М. Гаршин (в клетчатой блузе) с матерью, братом Евгением и князьями М. и Л. Шаховскими, снято в 1867 г. в пос [аде] Сольцы, Псковской губ [ернии]». Маленькие Михаил и Лев, сидящие на коленях у матери Гаршиных, Екатерины Степановны, — это дети князя Льва Николаевича Шаховского, родившиеся в 1863 году. Их отец был мировым судьёй Порховского уезда, советником губернского правления. В другом издании этой фотографии отмечается, что Михаил Львович и Лев Львович были «учениками» Е.С. Гаршиной. Из этого можно предположить, что она была в доме Шаховских кем-то вроде гувернантки. Это объясняет то, почему о причинах приезда в Со-

Портрет Всеволода Гаршина работы Ильи Репина

цы не вспоминал ни Всеволод, ни Евгений, — ведь Гаршины были хотя и небогатыми и нетитулованными, но всё-таки дворянами, в недавнем прошлом помещиками. Поэтому служба гувернанткой, хотя бы и в доме одной из известнейших княжеских фамилий, считалась несколько зазорно, и о таком, я предполагаю, старались не вспоминать. Возможно, Екатерина Степановна давала уроки и в домах солецких купцов.

Ольга КАРПОВА
Фото предоставлено
Виталием КОЙСИНЫМ
и из Интернета

(Продолжение читайте в №25 от 9 июля 2015)

Всеволод Гаршин дебютировал в 1877 году с рассказом «Четыре дня», сразу создавшим ему известность. В этом произведении ярко выражен протест против войны, против истребления человека человеком. Этому же мотиву посвящён целый ряд рассказов: «Денщик и офицер», «Аяслярское дело», «Из воспоминаний рядового Иванова» и «Трус»; герой последнего мучается в тяжёлой рефлексии и колебаниях между стремлением «принести себя в жертву за народ» и страхом перед ненужной и бессмысленной смертью. Гаршин написал также ряд очерков, где социальное зло и несправедливость рисуются уже на фоне мирной жизни.

«Происшествие» и «Надежда Николаевна» затрагивают тему «падшей» женщины. В 1883 году появился один из замечательнейших его рассказов — «Красный цветок». Герой его, психически больной, борется с мировым злом, которое, как ему кажется, воплотилось в красном цветке в саду: достаточно сорвать его — и будет уничтожено всё зло мира. В «Художниках» Гаршин ставит вопрос о роли искусства в обществе и о возможности приносить пользу творчеством; противопоставляя искусство с «реальными сюжетами» «искусству для искусства», ищет пути борьбы с социальной несправедливостью. Сущность современного автору общества с доминирующим при нём личным эгоизмом ярко изображена в рассказе «Встреча». В сказке-аллегии «Attalea princeps» о пальме, рвущейся к солнцу сквозь крышу оранжереи и погибающей под холодным небом, Гаршин символизировал красоту борьбы за свободу, хотя и борьбы обречённой. Гаршин написал ещё ряд сказок и рассказов для детей: «То, чего не было», «Лягушка-путешественница», где та же гаршинская тема о зле и несправедливости исполнена грустного юмора; «Сказание о гордом Аггее» (пересказ легенды об Аггее), «Сигнал» и другие.

